

Военные 1878
Мемуары 1918

Кайзер Вильгельм II

МЕМУАРЫ

События и люди

Военные мемуары (Вече)

Вильгельм II Вильгельм II

**Кайзер Вильгельм II. Мемуары.
События и люди. 1878-1918**

«ВЕЧЕ»

Вильгельм II В.

Кайзер Вильгельм II. Мемуары. События и люди. 1878-1918 /
В. Вильгельм II — «ВЕЧЕ», — (Военные мемуары (Вече))

ISBN 978-5-4484-7787-4

Воспоминания последнего кайзера Германии Вильгельма II рассказывают о периоде 1878—1918 гг. Именно в эти годы империя Гогенцоллернов достигла наибольшего могущества, а затем пришла к краху. На страницах книги автор рассказывает о своем ближайшем окружении — тех, кто долгие годы стоял у трона, командовал армиями и расширял границы государства. Особый интерес вызывают мысли Вильгельма II о причинах и ходе Первой мировой войны.

ISBN 978-5-4484-7787-4

© Вильгельм II В.

© ВЕЧЕ

Содержание

I. Бисмарк	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Кайзер Вильгельм II Мемуары События и люди. 1878-1918

I. Бисмарк

Князь Бисмарк как государственный деятель такая крупная величина, а его незабываемые заслуги перед Пруссией и Германией являются историческими фактами такого огромного значения, что едва ли в каком-нибудь политическом лагере найдется хоть один человек, который осмелился бы это оспаривать. Уже по одному этому легенда о том, будто я не признавал крупного масштаба личности Бисмарка, является вздорным вымыслом. На самом деле было обратное. Я преклонялся перед ним и обоготворял его. И это не могло быть иначе. Надо принять во внимание, в каком поколении я вырос. Это было поколение поклонников Бисмарка. Он был создатель Германского государства, паладин моего деда. Мы все считали его величайшим государственным деятелем своего времени и гордились тем, что он немец. Бисмарк был в моем храме идолом, которому я молился. Но монархи ведь тоже люди из плоти и крови; поэтому и они подвержены тем влияниям, которые оказывают поступки других. Таким образом, легко будет понять по-человечески, что князь Бисмарк тяжелыми ударами в своей борьбе против меня сам разбил того идола, о котором я сказал выше. Мое преклонение перед Бисмарком как перед великим государственным деятелем от этого, однако, не пострадало. Еще когда я был прусским принцем, я часто думал: надо надеяться, что великий канцлер будет еще долго жить, и тогда я буду гарантирован от всяких неожиданностей, если доведется править вместе с ним. Но даже мое преклонение перед великим государственным деятелем не могло заставить меня, когда я уже стал императором, взять на себя ответственность за те политические планы и действия князя, которые я считал ошибочными.

Уже Берлинский конгресс 1878 года был, по моему мнению, ошибкой, как и отношение Бисмарка к так называемой культурной борьбе. Кроме того, государственная конституция была скроена по бисмарковскому необыкновенному масштабу, а большие кирасирские сапоги подходили не всякому. Затем возник вопрос о рабочем законодательстве. Я глубоко сожалел о возникшем между нами по этому поводу конфликте, но я должен был тогда пойти по *пути компромисса, который вообще всегда был моим путем как во внутренней, так и во внешней политике*. Поэтому я не мог начать той открытой борьбы против социал-демократии, на которой настаивал князь. Эта разница во взглядах на политические мероприятия не может, однако, умалить мое преклонение перед крупной фигурой Бисмарка как государственного деятеля. Он остается создателем Германского государства. Больше сделать для своей страны *один человек* едва ли может.

Перед моими глазами всегда стояла великая заслуга Бисмарка в деле объединения Германии, и поэтому я не поддавался влиянию той травли, которая тогда стояла на повестке дня.

То, что Бисмарка называли домоуправителем Гогенцоллернов, также не могло поколебать моего доверия к князю, хотя он, быть может, и думал о политической традиции своего дома. Он, например, был очень опечален тем, что его сын Билль не проявлял никакого интереса к политике, и хотел передать власть другому своему сыну, Герберту.

Трагедия моего столкновения с Бисмарком кроется в том, что я явился преемником своего деда, так что я в известной мере перепрыгнул через одно поколение. Это трудно. Приходится всегда иметь дело со старыми заслуженными людьми, которые живут больше в прошлом, чем в настоящем, и не могут врасти в будущее.

Когда внук наследует от деда и находит уважаемого им, но старого государственного деятеля такой крупной величины, как Бисмарк, то это далеко не счастье, как могло бы показаться, и как я и сам думал. Сам Бисмарк указывает на это в третьем томе своих сочинений, говоря в главе о Беттихере о старческой осторожности канцлера и юноше-кайзере. Когда Баллин заставил Бисмарка бросить взгляд на новую Гамбургскую гавань, князь сам почувствовал, что наступило новое время, которое он не мог уже вполне понять. Князь тогда с изумлением воскликнул: «Другой мир, новый мир!» Подобным же образом обнаружилось это обстоятельство и при посещении адмиралом фон Тирпицем Фридрихсру, когда тот пытался склонить старика-рейхсканцлера на сторону первого законопроекта о флоте.

Я лично имею то удовлетворение, что Бисмарк мне в 1886 году доверил чрезвычайно деликатную миссию в Брест и при этом сказал обо мне: «Этот когда-нибудь станет своим собственным канцлером». По-видимому, князь кое-что во мне находил. Я не в обиде на него за третий том его воспоминаний и освободил этот том из-под ареста.

Дальнейшая задержка его выхода была бы бесцельна, так как главное содержание его стало уже известно из-за нескромности некоторых лиц. В то же время могли быть разные мнения о своевременности появления этого тома. Бисмарк перевернулся бы в гробу, если бы мог знать, в какой момент вышел в свет третий том и какие дал результаты.

Я бы искренно сожалел, если бы третий том повредил памяти великого канцлера, так как Бисмарк – одна из героических фигур, которые нужны немецкому народу для его возрождения.

Моя благодарность и мое преклонение перед великим канцлером не могут быть поколеблены ни третьим томом его воспоминаний, ни чем бы то ни было иным.

В первой половине 80-х годов я, по предложению князя Бисмарка, был командирован в Министерство иностранных дел, которым руководил тогда граф Герберт Бисмарк. Когда я явился к князю, он дал мне краткие характеристики главных лиц в министерстве. Когда при этом он назвал г-на фон Гольштейна, который тогда был одним из виднейших сотрудников князя, для меня как бы прозвучало в словах князя предостережение против этого человека.

Я получил отдельный кабинет, причем мне были предоставлены для изучения все материалы о подготовке, возникновении и заключении союза с Австрией (Андраши). Я много бывал в доме князя и у графа Герберта. После того как я несколько освоился в бисмарковском кругу, при мне стали более открыто говорить о г-не фон Гольштейне. О нем передавали, что он очень боязлив, хороший работник, безмерно тщеславен, чужак, который нигде не показывается и совершенно не вращается в обществе, недоверчивый, полный причуд, притом злопамятный, – словом, опасен. Князь называл его «человеком с глазами гиены» и говорил, что мне следовало бы держаться вдали от него. Очевидно, уже тогда у Бисмарка назревало то резко критическое отношение к Гольштейну, какое князь позднее проявлял по отношению к своему прежнему сотруднику.

Граф Герберт, грубость которого по отношению к подчиненным бросалась мне в глаза, сурово подтягивал чиновников в Министерстве иностранных дел. Когда граф звал их или отпускал, они так мчались, что, как тогда говорили в шутку, «полы сюртука развевались у них перпендикулярно телу».

Внешняя политика направлялась и диктовалась исключительно князем по соглашению с графом Гербертом, который передавал дальше приказания канцлера и переделывал их в инструкции.

Таким образом, Министерство иностранных дел являлось как бы только личным бюро великого канцлера, где работали по его указке.

Здесь не вырабатывались и не формировались выдающиеся люди с самостоятельными идеями.

Не то было в Генеральном штабе под руководством Мольтке. Здесь на основе испытанных принципов при соблюдении старых традиций и одновременном использовании всего опыта

нового времени молодое поколение заботливо воспитывалось и приучалось к самостоятельному мышлению и к самостоятельной деятельности. Министерство иностранных дел, напротив, представляло собой лишь исполнительный орган *одной* воли, и сотрудники его, не ориентировавшиеся во всех обстоятельствах, порученных им для разработки вопросов, не могли проявлять никакой инициативы. Князь расположился, как огромная гранитная глыба на лугу: если ее убрать, то под ней в основном найдешь гадов и засохшие корни.

Я снискал к себе доверие князя Бисмарка, который о многом со мной беседовал. Когда, например, князь вступил на путь первых колониальных приобретений (Малый и Большой Попо, Того и т.д.), я, по его просьбе, ориентировал его по поводу того настроения, которое тогда царило в обществе и во флоте, и обрисовал то воодушевление, с каким немецкий народ приветствовал новый путь. По поводу моей информации князь заметил, что дело не заслуживает такого внимания. Позже я часто говорил с ним о колониальном вопросе и всегда встречал его желание использовать колонии скорее как объект торговли или обмена, чем извлечь из них выгоду для отечества или использовать для доставки сырья.

Я обращал внимание князя на то, что купец и капиталист начали энергично развивать колонии и соответственно с этим, как я знал из ганзейских кругов, рассчитывали на защиту флота. Поэтому, говорил я, надо позаботиться о своевременном *сооружении флота*, чтобы немецкие ценности не остались беззащитными за границей. Князь уже развернул германский флаг на чужбине; за этим флагом стоит народ, но за ним должен стоять и флот. Князь, однако, оставался глух к моим словам и употреблял свое любимое изречение: «Если бы англичане высадились у нас, я бы велел их арестовать»; колонии должны быть защищены собственными силами. Князь совершенно не принимал во внимание, что уже одно предположение о возможности англичан беспрепятственно высадиться в Германии (Гельголанд принадлежал Англии) совершенно невыносимо для Германии, и мы, чтобы исключить на будущее время возможность высадки, нуждались в достаточно сильном флоте и в Гельголанде.

Политические интересы князя Бисмарка сосредоточивались главным образом на Европейском континенте. Англия стояла несколько в стороне от его повседневных забот, тем более что ее премьер Солсбери был в хороших отношениях с князем, и Англия в свое время приветствовала двойственное и потом тройственное согласие при его основании. Князь преимущественно работал с Россией, Австрией, Италией и Румынией и постоянно контролировал отношение их к Германии и взаимоотношения друг с другом.

Относительно той предусмотрительности и того искусства, с которыми он при этом оперировал, сделал однажды чрезвычайно меткое замечание император Вильгельм Великий в разговоре с генералом фон Альбедилем. Генерал нашел его величество после одного доклада Бисмарка в таком большом волнении, что даже испугался за здоровье старого императора. Он сделал поэтому замечание, что императору незачем так волноваться: если князь поступает против воли его величества, то ведь ему можно дать отставку. На это император возразил, что, несмотря на его благодарность и на его преклонение перед великим государственным деятелем, он и сам об этом уже думал, ибо самонадеянный нрав князя иногда слишком угнетает. Но он и Отечество слишком нуждаются в Бисмарке, потому что князь единственный человек, который умеет жонглировать с пятью шарами, из которых, по крайней мере, два постоянно находятся в воздухе; он, император, этого не умеет.

Князь не замечал того, что после приобретения колоний он должен был направить свой взгляд за пределы Европы и одновременно вести большую политику с Англией. Англия была, правда, только одним из пяти шаров в его дипломатической игре, и ей не придавалось того особого значения, как подобало бы.

Поэтому Министерство иностранных дел отыгрывалось на странах континента, не проявляя должного интереса к колониям, флоту и Англии и не имея никакого опыта в мировой политике. Английская психика и английская мысль с ее упорным, хотя и замаскированным,

преследованием плана мировой гегемонии были для Министерства иностранных дел книгой за семью печатями.

Однажды князь сказал мне, что его главная цель состоит в том, чтобы не допустить соглашения между Россией и Англией. На это я позволил себе ответить: «Момент, чтобы отодвинуть возможность такого соглашения на очень долгое время, был бы почти налицо, если бы в 1877—1878 годах русские пустили в Стамбул. Тогда английский флот немедленно выступил бы на защиту Стамбула, и конфликт был бы налицо. Вместо этого русским навязали Сан-Стефанский договор и принудили их к отступлению перед воротами города, к которому они подошли после кошмарных боев и трудностей и который они уже видели перед собой. Это породило в русской армии неугасимую ненависть к нам (сообщения прусских офицеров в русской армии, участвовавших в походе, особенно графа Пфейля). Вдобавок еще уничтожили и этот договор и заменили его Берлинским, еще больше опорочившим нас в глазах русских как врагов их «справедливых интересов на Востоке». Таким образом, желанный для князя конфликт между Россией и Англией был отодвинут на долгое время.

Князь не разделял этой критики «своего» конгресса, результатами которого он, как «честный маклер», так гордился, и серьезно заметил, что он обязан был предотвратить всеобщий пожар и предложить свои услуги для посредничества. Когда я позднее сообщил об этой беседе одному сотруднику Министерства иностранных дел, тот рассказал мне, что он был при том, когда князь после подписания Берлинского договора пришел в Министерство иностранных дел и принимал поздравления от собравшихся там чиновников. Отвечая на приветствия, князь выпрямился и сказал: «Теперь я поеду по Европе на четверке, погоняя ее». Приведя эти слова, упомянутый сотрудник добавил: «Князь тут ошибся, так как тогда уже вместо русско-прусской дружбы маячило возникновение русско-французской, и, таким образом, два коня уже выбывали из четверки». Политика Дизраэли превратила в глазах русских «честное маклерство» Бисмарка в фактор англо-австрийской победы над Россией.

Хотя взгляды наши во многом расходились, князь все же оставался расположен ко мне, и, несмотря на большую разницу в возрасте, между нами образовались дружеские отношения, ибо я, как все мое поколение, был пламенным поклонником князя и благодаря своему рвению и прямодушию приобрел его доверие, которое я никогда не обманул.

Во время моего прикомандирования к Министерству иностранных дел мне, между прочим, делал доклады о торговой политике, колониях и т.п. тайный советник Рашдау. Тогда уже я обратил внимание на нашу зависимость от Англии, зависимость, покоившуюся на том, что у нас не было флота и что Гельголанд был в английских руках. Под гнетом необходимости имелось, правда, в виду расширение колониальных владений, но это могло произойти лишь с разрешения Англии. Это было затруднительно и, в сущности, недостойно нас.

Прикомандирование меня к Министерству иностранных дел причинило мне большую неприятность. Мои родители относились не очень дружелюбно к князю Бисмарку и ставили в вину своему сыну, что он вступил в бисмарковский круг. Боялись влияний против родителей, ультраконсерватизма и т.п., в чем меня обвиняли всякого рода наущники из либеральных кругов Англии, видевшие в моем отце свою защиту.

На такие обвинения я никогда не обращал внимания, но мое положение в родительском доме из-за этого становилось трудным, а подчас и мучительным. Мне приходилось переносить много тяжелого из-за моей работы под руководством Бисмарка и из-за моей скрытности в отношении всего, что касалось князя, скрытности, часто подвергавшейся самым тяжелым испытаниям. Князь, по-видимому, находил это само собой разумеющимся.

С сыном князя графом Гербертом у меня сложились хорошие отношения. Он был веселым собеседником и умел собирать вокруг своего стола интересных людей частично из Министерства иностранных дел, частично из других кругов. Но до настоящих дружеских отношений между нами не дошло. Это обнаружилось особенно тогда, когда в связи с уходом Бисмарка

потребовал отставки и граф Герберт. На мою просьбу остаться при мне и помочь мне продолжать традицию в политике последовало резкое возражение: он-де привык докладывать и слушать только своему отцу; невозможно от него требовать, чтобы он с портфелем под мышкой шел на доклад к кому-нибудь другому, а не к своему отцу.

Когда ныне убитый царь Николай II достиг совершеннолетия, мне по предложению князя Бисмарка доверили вручить наследнику-цесаревичу в Петербурге орден Черного орла. Как император, так и князь знакомили меня со взаимоотношениями обеих стран и династий, с нравами, личностями и т.п. В заключение кайзер заметил, что он дает своему внуку тот же совет, который ему как молодому человеку в свое время дал при первом посещении им России граф Адлерберг: «Впрочем, там, в России, как и всюду, любят больше похвалу, чем хулу». Князь же закончил свою информацию замечанием: «На востоке все люди, которые носят рубашку поверх брюк, порядочные люди. Но те, кто засовывают ее в брюки и к тому же еще имеют орден на шее, это уже свиньи».

Из Петербурга я часто писал донесения и моему деду, и князю. Я, само собой разумеется, описывал, как умел, свои впечатления. Прежде всего, мне стало ясно, что прежние русско-пруссские отношения и чувства сильно охладели и уже больше не являлись такими, какими их представляли себе в своих беседах кайзер и князь. По моему возвращению я получил похвалу как от моего деда, так и от князя за мои простые и ясные донесения. Это было особенно отраднo, так как меня угнетала мысль, что я в некоторых отношениях должен был их вроде бы разочаровать.

В 1886 году, в конце августа и начале сентября, после последнего Гаштейнского свидания императора Вильгельма Великого и Бисмарка с императором Францем Иосифом, на котором я присутствовал по приказанию моего деда, на мою долю выпало поручение передать лично императору Александру III о результатах Гаштейнского свидания и обсудить совместно с царем вопросы, касающиеся Средиземного моря и Турции. Князь дал мне свои инструкции, санкционированные императором Вильгельмом. Они особенно касались желания России пойти на Стамбул, чему князь не собирался чинить никаких препятствий. Напротив, я получил прямое поручение предложить России Константинополь и Дарданеллы. (Таким образом, уже отказывались от Сан-Стефано и от Берлинского конгресса!) Имелось в виду дружественно убедить Турцию, что соглашение с Россией желательно и для нее. Я встретил дружеский прием у царя в Брест-Литовске и принял участие в тамошних парадах, маневрах и т.п., которые уже неоспоримо носили антинемецкий характер.

Как результат разговоров с царем важно отметить заявление последнего о том, что если бы в его расчеты входило овладеть Стамбулом, то он его взял бы; в разрешении или согласии князя Бисмарка для этого он не нуждается. После такого резкого отклонения бисмарковского предложения я счел, что моя миссия потерпела крушение. Соответствующим образом я и составил свое донесение князю.

Решившись на упомянутое предложение царю, князь, по-видимому, либо изменил свои политические взгляды, приведшие к Сан-Стефано и к Берлинскому конгрессу, либо, побуждаемый изменением общего политического положения в Европе, счел, что пришел момент перетасовать политические карты, или, как сказал бы мой дед, иначе «жонглировать». Это мог себе позволить только человек такого мирового значения, такого масштаба в политическом и дипломатическом смысле, как Бисмарк. Строил ли князь с самого начала свою большую политическую игру с Россией с таким расчетом, чтобы на Берлинском конгрессе помешать всеобщей войне, погладив по шерстке Англию и воспрепятствовав домогательствам России относительно Востока, чтобы с гениальным умыслом помочь осуществлению этих домогательств впоследствии, этого я не могу решить, так как своих больших политических построений князь никому не доверял. Если это было так, то он, твердо надеясь на свое политическое искусство, по-видимому, рассчитывал позже снискать тем большее расположение России, так как рус-

ские домогательства были бы в этом случае осуществлены исключительно благодаря Германии и к тому же в такой момент, когда общая политическая ситуация в Европе была менее напряжена, чем в 1877—1878 годах. В таком случае никто, кроме самого князя Бисмарка, не мог бы успешно довести до конца эту великолепную игру.

В этом кроется слабая сторона великих людей. Информировал ли он и Англию относительно своего предложения царю? Тут, вероятно, произошло обратное тому, что было в 1878 году. Во всяком случае, князь теперь повел ту политику, которая витала в воздухе еще тогда, когда я узнал о разочаровании русских, стоявших перед Стамбулом и не допущенных туда.

В Брест-Литовске во время продолжительных военных маневров всякого рода я мог очень хорошо наблюдать, что отношение русских офицеров ко мне стало гораздо холоднее и высокомернее, чем при моем первом посещении Петербурга. Только небольшое число старых генералов, особенно придворных, связанных с эпохой Александра II, знакомых с императором Вильгельмом Великим и преданных последнему, выказывали еще свое благоговение перед ним и свои симпатии к Германии. В разговоре со мной о взаимоотношениях обоих дворов, армий и стран, взаимоотношениях, которые я нашел изменившимися в сравнении с прежними, один из этих генералов сказал:

«Всеми виной этот гнусный Берлинский конгресс! Это была тяжелая ошибка канцлера. Он разрушил старую дружбу между нами, посеял недоверие в сердцах людей двора и правительства и породил убеждение, что русской армии после кровавого похода в 1877 году нанесена тяжелая несправедливость, за которую она хочет реванша. И вот мы теперь идем вместе с этой проклятой Французской республикой, полной ненависти к вам, преисполненной разрушительных идей, которые в случае войны с вами могут стоять нам династии».

Пророческое предсказание гибели русского царствующего дома!

Из Бреста я направился в Страсбург, где мой дед находился на маневрах. Несмотря на неудачу моей миссии, я застал там спокойный взгляд на политическое положение. Мой дед радовался сердечным приветам царя, которые не обнаруживали никакой перемены, по крайней мере в личных отношениях обоих государей.

К моему удивлению, я получил письмо и от князя Бисмарка, в котором он выражал благодарность и признание за мою деятельность и мой доклад. Это имело тем большее значение, что мои выводы не могли быть приятны ни для моего деда, ни для канцлера. Берлинский конгресс уничтожил, особенно в русских военных кругах, остатки еще поддерживавшегося у нас традиционного братства по оружию и породил раздуваемую общением с французским офицерским корпусом такую ненависть против всего прусско-немецкого, которая увеличилась до жажды мести с помощью оружия. Это была почва, на которой позже могла найти себе пищу среди наших противников мысль о мировой войне, как «*Revanche pour Sedan*», соединенной с «*Krevanche pour San-Stefano*».

Слова старого генерала в Бресте оставили неизгладимый след в моей памяти и побудили меня ко многим свиданиям с Александром III и Николаем II, при которых перед моими глазами всегда, как лейтмотив, стояла возложенная на меня моим дедом на смертном одре забота о поддержании добрых отношений с Россией.

В 1890 году, во время маневров в Нарве, я должен был подробно обрисовать царю историю ухода князя Бисмарка. Царь слушал меня внимательно. Когда я окончил, государь, обычно очень хладнокровный и сдержанный, редко говоривший о политике, вдруг схватил мою руку, стал благодарить за доказательство моего доверия, сожалел, что я был поставлен в такое положение, и прибавил буквально следующее: «Я вполне понимаю твою линию поведения. Князь при всем своем величии все же был ничем иным, как твоим чиновником, или уполномоченным. В тот момент, когда он отказался действовать по твоим приказаниям, его надо было уволить. Я, со своей стороны, всегда питал недоверие к нему и никогда не верил ни одному слову

из того, что он сообщал мне через других или сам говорил, так как я хорошо знал, что он всегда меня обманывает. Для наших взаимоотношений, мой милый Вильгельм, падение князя будет иметь наилучшие последствия. Недоверие исчезнет. Я питаю доверие к тебе, ты можешь положиться на меня».

В свое время я тотчас же записал этот важный разговор. Я достаточно объективен, чтобы спросить себя, в какой степени вышеприведенные слова сознательно или бессознательно были продиктованы вежливостью государя к государю и, кроме того, быть может, еще и удовлетворением по поводу устранения политического деятеля такой крупной величины, как Бисмарк.

Уверенность князя Бисмарка в доверии к нему со стороны царя, несомненно, субъективно была вполне основательна. Александр III относился с большим уважением к политическим способностям Бисмарка. Во всяком случае, царь держал свое слово до самой смерти. Это, правда, не многое изменило в общей политике России, но, по крайней мере, Германии нечего было опасаться нападения со стороны России. Прямой характер Александра III был тому порукой. При его слабом сыне положение изменилось.

Можно относиться как угодно к политике Бисмарка в отношении России, но одно надо признать: несмотря на Берлинский конгресс и сближение Франции с Россией, князь умел избегать серьезных трений.

Об этом свидетельствует обдуманная дипломатическая и политическая игра, проводимая Бисмарком в течение 12 лет (1878—1890), начиная с Берлинского конгресса.

Необходимо подчеркнуть, что в 1878 году именно немецкий политик предотвратил всеобщую войну (ухудшив даже из-за этого русско-германские отношения) в справедливой надежде на то, что, благодаря его гениальной, уверенно стремящейся к заданной цели политике, ему снова удастся после преодоления всеобщего кризиса улучшить эти отношения или, по крайней мере, избежать конфликтов. Это и удавалось ему в течение 12 лет, а его преемникам у кормила правления — еще в течение дальнейших 24 лет.

От партийной политики я, как принц, преднамеренно держался в стороне и всецело отдавался службе в разных воинских частях, куда я был причислен. Эта служба давала мне удовлетворение и наполняла мою жизнь. Были частые попытки втянуть меня под видом невинных увеселений, чаев и т.п. в политические кружки или в комбинации, преследующие выборные цели. Я, однако, всегда был настороже.

Течение коварной болезни, унесшей императора Фридриха III, было мне совершенно открыто предсказано немецкими врачами, привлеченными в качестве экспертов английским врачом сэром Мореллем Макензи. Моя глубокая скорбь и печаль были тем сильнее, что я почти не имел возможности поговорить наедине с горячо любимым отцом. Английские врачи охраняли его, как пленника, и, в то время как репортеры всех стран могли наблюдать за бедным больным из комнаты врачей, мне ставились всевозможные препятствия, чтобы не дать приблизиться к своему отцу или хоть письменно вступить с ним в продолжительное общение, мои письма часто перехватывались и не передавались. Сверх того, со стороны этих охранителей против меня была возбуждена в прессе систематическая гнусная клеветническая кампания. Особенно отличались при этом два журналиста: некий господин Шнидровиц и месье Жак С. Сер из «Фигаро», немецкий еврей, который позже, когда я уже был императором, в течение многих лет распространял про меня во Франции самую ядовитую клевету, пока не сломал себе шею на процессе «Petit Sucrier».

Последнюю радость, пережитую умирающим императором, доставил ему я, лично проводя перед ним в церемониальном марше 2-ю гвардейскую пехотную бригаду. Это были первые и последние войска, которые Фридрих III видел в качестве императора. По этому поводу он написал мне, своему ошачтивленному сыну, маленькую записку, в которой благодарил за удовольствие, доставленное ему видом этих войск, гордясь тем, что может назвать их своими.

Это событие было просветом в тех тяжелых 99 днях, которые и мне, как кронпринцу, принесли много печали, унижений и оскорблений. Во время кризиса я, как повелевал мне долг, зорко наблюдал за всеми событиями в военных, чиновничьих и общественных кругах и был глубоко возмущен теми признаками расхлябанности, которые я всюду замечал; причем особенное негодование вызывала во мне все более обнаруживавшаяся враждебность по отношению к моей матери. С другой стороны, упорно ведшаяся против меня клеветническая кампания, рисовавшая дело так, будто я нахожусь в разладе с отцом, не могла не оскорблять меня глубоко.

Когда император Фридрих III навеки закрыл глаза, тяжелое бремя управления страной пало на мои молодые плечи. Прежде всего, я стоял перед необходимостью произвести смену многих лиц. Приближенные обоих императоров, как военные, так и чиновничество, были слишком стары. Так называемая «Maison militaire» императора Вильгельма Великого была целиком сохранена императором Фридрихом, причем к службе ее представители не были привлечены. К ним присоединились еще приближенные императора Фридриха III. Я отпустил самым милостивым образом тех, которые хотели удалиться на покой; некоторые получили должности в армии; некоторые, более молодые, остались пока, в это переходное время, у меня на службе.

Еще будучи кронпринцем, во время этих последних 99 дней я уже осторожно сговаривался с теми лицами, которым я думал впоследствии дать назначения, так как врачи не оставили мне никакого сомнения в том, что дни моего отца сочтены. Я не обращал внимания на придворные влияния и на формальности; для меня имели значение лишь заслуги и характер. Я вывел из употребления слово «Maison militaire» и заменил его названием «Главная квартира Его Величества». При выборе приближенных я советовался лишь с одним человеком, к которому питал особое доверие. Это был мой прежний начальник, бригадный командир, генерал, позже генерал-адъютант фон Ферзен с прямым, рыцарским, немного крутым характером; настоящий старопруссский офицер.

Служа в линейных войсках и в гвардии, фон Ферзен зорко следил за придворными влияниями и течениями, часто дававшими себя чувствовать в старой «Maison militaire» во вред офицерскому корпусу. В закулисных придворных влияниях большую роль играл кружок высокопоставленных дам, носивший в товарищеском кругу из-за возраста своих членов насмешливую кличку «trente et quarante». Такого рода влияния я хотел устранить. Своим первым генерал-адъютантом я выбрал фон Виттиха, первым главой своего военного министерства командира 2-й пехотной гвардейской дивизии генерала фон Ганке; последний был другом императора Фридриха III и моим бригадным командиром, когда я еще служил в 1-м гвардейском полку. Фон Виттих и фон Ганке были люди с военным опытом и железными принципами, вполне разделявшие образ мыслей своего повелителя и оставшиеся до конца своих дней верными мне с образцовой преданностью воинов.

Министром двора я выбрал знакомого мне с самой юности бывшего гофмаршала моего отца графа Августа Эйленбурга, который и в 82-летнем возрасте, до самой своей смерти в июне 1921 года, управлял министерством императорского двора. Это был человек, одаренный тонким тактом, необыкновенными способностями, проницательностью как в области политики, так и в области придворной, благородным характером и золотой преданностью своему королю и его дому. По всей Европе он был популярен как «тот» гофмаршал. При своей многосторонней одаренности он мог бы с успехом исполнять и должность посла или рейхсканцлера. Человек неутомимой работоспособности, одаренный подкупающей вежливостью, он был моим советником во многих областях и в делах династии, и в делах семейных, и в вопросах придворной и общественной жизни. У него были многочисленные знакомства с людьми разных классов и разных званий, и все его ценили и уважали; я же окружал его дружбой и благодарностью.

Главой Министерства внутренних дел, по соглашению с князем Бисмарком, был назначен господин фон Луканус из Министерства просвещения. Князь Бисмарк шутя заметил, что он рад этому выбору, так как Луканус ему известен как хороший и страстный охотник. «Это всегда хорошая рекомендация для гражданского чиновника, – добавил он, – ибо хороший охотник всегда также порядочный и честный малый». Господин фон Луканус принял свою должность из рук его превосходительства фон Вильмовского. Он исполнял эту должность блестяще и, как человек, сведущий во всех областях искусства, техники, науки и политики, был для меня советником, неутомимым сотрудником и другом. В нем со здравым умом соединялась хорошая доза тонкого юмора, которого так часто недостает германцу.

С князем Бисмарком я еще со времени моего прикомандирования к Министерству иностранных дел находился в очень хороших и исполненных доверия отношениях. Как и раньше, я преклонялся перед могущественным канцлером со всем пылом моей юности и гордился тем, что служил раньше под его начальством, а теперь могу работать с ним вместе как с моим канцлером.

Князь, присутствовавший при последних часах старого императора Вильгельма и слышавший его политическое завещание своему внуку, а именно наставление особенно заботиться о сохранении добрых отношений с Россией, настаивал на моей летней поездке в Петербург как первом политическом акте, долженствующем подчеркнуть перед всем миром, согласно с последней волей умершего деда, хорошие отношения к России. Он и выработал для меня план поездки.

Но на пути осуществления этого проекта встало затруднение в виде письма английской королевы Виктории, которая в ответ на известие о предполагаемом мной посещении Петербурга высказывала мне, своему старшему внуку, тоном бабушки, но вместе с тем достаточно авторитетно свое неодобрение по поводу замысливаемой поездки. Во-первых, писала она, должен истечь год траура. А затем, само собой разумеется, первый визит подобает нанести ей, как моей бабушке и королеве Англии, являющейся родиной моей матери, и только затем думать о других странах. Когда я показал это письмо князю, он пришел в ярость.

Он заговорил о «дядюшках из Англии» и о вмешательстве оттуда, которому пора положить конец.

«По тону этого письма, – говорил он, – можно судить о том, в какой степени кронпринц Фридрих, ставший потом императором, находился под влиянием и под командой своей тещи и жены».

Князь хотел набросать тут же текст ответного письма королеве. Я возразил, что сам составлю подходящий ответ, в котором будет соблюдена правильная средняя линия между внуком и императором, и перед отправкой представлю письмо князю.

Ответ этот сохранял внешнюю форму сердечных родственных отношений внука к бабушке, которая носила этого внука на руках в то время, когда он еще был ребенком, и возраст которой уже сам по себе требовал к себе уважения. Но вместе с тем письмо подчеркивало, что положение и долг германского императора, безусловно, обязывают его выполнить касающееся самых жизненных интересов Германии приказание умершего деда.

Это приказание деда, писал я, внук должен уважать в интересах страны, представительство которой теперь волей Божьей ему передано. Королева-бабушка должна предоставить ему самому решить, каким образом выполнить это приказание. В остальном я всегда остаюсь ее преданным и любящим внуком и всегда благодарен за каждый совет бабушки, имеющей ввиду своего долголетнего правления такой большой опыт. В германских делах, однако, я должен оговорить себе свободу действий. Посещение Петербурга политическая необходимость. Приказание моего царственного деда соответствует тесным семейным связям с русским царствующим домом и потому должно быть выполнено.

Князь был согласен с редакцией этого письма. Через некоторое время последовал неожиданный ответ. Королева признавала правоту своего внука.

Он должен поступать так, как требуют интересы его страны, писала она. Королева будет рада позже видеть внука у себя. С этого дня мои отношения к королеве, которой боялись ее собственные дети, стали самыми лучшими. Она относилась к своему внуку как к равному себе по положению монарху.

Во время поездки меня сопровождал граф Герберт в качестве представителя Министерства иностранных дел. Он редактировал речи и вел, по указаниям своего отца, политические беседы, поскольку они носили деловой характер.

После моего возвращения из Стамбула в 1889 году я, по его просьбе, обрисовал князю впечатления, вынесенные мной из Греции, где моя сестра Софья была замужем за наследным принцем Константином, и из Стамбула. При этом меня поразило, что князь говорил очень презрительно о Турции, о турецких руководящих деятелях и вообще о тамошних делах. Когда я стал выдвигать более благоприятные моменты, казавшиеся мне наиболее важными, это мало помогло. На мой вопрос, на чем он основывает свое столь неблагоприятное суждение о Турции, князь возразил:

– Граф Герберт в своем докладе отозвался очень неблагоприятно о Турции.

Князь Бисмарк и граф Герберт не были расположены к Турции и не одобряли моей политики по отношению к ней старой политики Фридриха Великого.

В последний период своего канцлерства Бисмарк говорил, что главная причина, почему он еще остается канцлером, это необходимость сохранения добрососедских отношений с Россией, правитель которой питает к нему особое доверие. В связи с этим он сделал мне первые намеки на тайный договор с Россией о взаимных гарантиях. До тех пор я ничего не знал об этом договоре ни от князя, ни от Министерства иностранных дел, хотя как раз и занимался русскими делами.

После того как в связи с ранней смертью моего отца я стал во главе правления государством, поколение внука, как я уже раньше отметил, заняло место поколения деда.

Таким образом, поколение императора Фридриха как бы обошли. Последнее, постоянно общаясь с кронпринцем Фридрихом Вильгельмом, было преисполнено многих либеральных идей и проектов реформ, которые предполагалось осуществить, когда он станет императором Фридрихом. Но после его кончины всему этому поколению, особенно политикам, пришлось разочароваться в надеждах получить влияние, и они чувствовали себя в известной степени осиротевшими. Эти круги, не зная ни меня, ни моих сокровенных мыслей и целей, вместо того чтобы для пользы отечества перенести свой интерес с отца на сына, относились ко мне сдержанно и недоверчиво. Лишь один представитель национал-либералов являлся в этом отношении исключением. Это был знатный, еще по-юношески свежий г-н фон Бенда. Я познакомился с ним еще тогда, когда, будучи принцем, участвовал в большой заячьей охоте у советника Дице в Барби. Присутствуя в кругу старших в качестве слушателя при спорах на политические, сельскохозяйственные и национально-экономические темы, я уже тогда обратил внимание на г-на фон Бенда с его свободными и интересными суждениями, и он уже в то время приобрел мое расположение и доверие. Я охотно принял приглашение г-на Бенда приехать в его поместье Рудов под Берлином. С этого начались мои регулярные ежегодные посещения Рудова. Часы, проведенные мной в рудовском семейном кругу, в обществе талантливых дочерей г-на Бенда, усердно занимавшихся музыкой, остались для меня хорошим воспоминанием. Политические беседы показывали, что г-н фон Бенда обладал широким кругозором, который был свободен от всякого партийного шаблона и обнаруживал такое ясное понимание общегосударственных нужд, какое редко можно найти у партийных людей. Он дал мне из глубины своего верного старопруссского сердца, крепко привязанного к королевскому дому, много ценных советов, соблюдая при этом далеко идущую терпимость по отношению к другим партиям.

Мое позднейшее правление доказало, что я никоим образом не был настроен отрицательно против ни одной партии, не говоря, конечно, об ультрасоциалистах. Подтверждалось и то, что я не настроен антилиберально. Моим виднейшим министром финансов был либерал Микель; министром торговли либерал Меллер; вождь либералов фон Беннигсен был обер-президентом в Ганновере. С одним уже немолодым либеральным депутатом, с которым я познакомился через фон Микеля, я поддерживал тесные отношения, особенно во время второй половины моего царствования. Это был Зейдель (Хельхен), владелец поместья на востоке, человек, у которого с гладко бритого лица смотрела пара умных глаз. Он был сотрудником Микеля в области железнодорожного и водного транспорта, очень дельным, простым, практичным человеком, либералом с консервативным мировоззрением.

С консервативной партией у меня, естественно, были многочисленные связи и точки соприкосновения, ибо представители земельной аристократии часто встречались со мной на придворной или иной охоте, бывали во дворце на приемах или занимали должности при дворе. Через них я мог полностью ориентироваться во всех аграрных вопросах и знать, где у земледельца «жмет сапог».

Свободомыслящие под предводительством своего «вождя без руля и ветрил» не вступали со мной ни в какие отношения; они ограничивались положением оппозиции.

В беседах с г-ми Бендой и Беннигсеном мы часто говорили о будущем либерализма. При этом Бенда высказал однажды следующее интересное суждение: «Не нужно и даже нехорошо, чтобы в Пруссии наследник уклонялся в сторону либерализма. Это нам не годится. Он, собственно говоря, должен быть консерватором, однако с достаточно широким кругозором и без предубеждений против других партий».

Как-то я в разговоре с Беннигсеном выразил мысль, что национал-либералы, для того чтобы притягательная сила старого прусского либерализма не исчезла в народе, должны пересмотреть свою программу, первоначально собравшую их сторонников вокруг либерального знамени под девизом «Возрождение Германского государства и свобода печати», так как это уже давно достигнуто. Беннигсен со мной согласился. Прусские либералы и консерваторы, продолжал я, сделали одну и ту же ошибку: они еще сохранили слишком много воспоминаний о старых конфликтах 1861—1866 годов и при выборной или другой политической борьбе всегда возвращались к привычкам того времени. То время для нашего поколения стало историей и уже прошло. Для нас современность начинается с 1870 года, с новой, объединенной империи; под 1866 годом мы поставили черту. Надо строить сызнова уже на базисе объединенной империи, и партии во имя своих целей должны также сообразоваться с этим, а не хвататься за давно ушедшее и притом еще разъединяющее прошлое. Беннигсен при этом сделал очень меткое замечание, сказав: «Горе северогерманским либералам, если они попадут под начальство южногерманских демократов. Тогда будет конец настоящему, подлинному либерализму. Тогда мы получим замаскированную демократию снизу, которая нам здесь не нужна».

Почтенная и преданная кайзеру консервативная партия, к сожалению, не всегда выдвигала выдающихся партийных вождей, которые были бы в то же время искусными, тактически вышколенными политиками. Аграрное крыло партии временами было чересчур резко оформленным и являлось бременем для партии. Воспоминания об эпохе конфликтов и в этих кругах были еще слишком сильны. Я предлагал консервативной партии объединение с национал-либералами, но встречал у консерваторов мало симпатий к последним.

Я часто указывал на то, что национал-либералы преданы империи и поэтому настроены верноподданнически; консерваторы, таким образом, непременно должны их приветствовать как своих союзников. Я не могу и не хочу, говорил я, управлять страной без них и уж ни в коем случае против них...

В силу различно сложившихся процессов исторического развития северогерманский консерватизм во многих частях государства остается непонятым, и поэтому национал-либе-

ралы являются естественными союзниками консерваторов. По этой причине, например, придворного проповедника Штеккера, человека с блестящим опытом в области общественно-миссионерской деятельности, я отстранил от должности за то, что он в Южной Германии произнес демагогическую речь, натравливающую против тамошних либералов.

Центр из-за направленной против него пропаганды был настроен антипротестантски и мало симпатизировал империи. Несмотря на это, я поддерживал отношения со многими выдающимися людьми из этой партии и умел заинтересовать их в практическом сотрудничестве на общую пользу. Особенно мне помогал при этом Шорлемер (отец). Он никогда не скрывал своей прусской преданности королю. Его сын, известный министр земледелия, примкнул даже к консервативной партии. Центр, который некогда в лице своего старого вождя Виндтгорста должен был вести самую ожесточенную политическую борьбу в парламенте, теперь принимал участие в выработке многих законопроектов. При этом, однако, со стороны центра неизменно выдвигалась тенденция, что интересы римской церкви всегда должны быть обеспечены и никогда не должны терпеть ущерба.

Еще когда я был принцем Вильгельмом, меня для ознакомления с внутренним управлением и экономическими вопросами, как и для того, чтобы я практически мог принять активное участие в государственной работе, прикомандировали к обер-президенту провинции Бранденбург фон Ахенбаху.

С той поры я, побуждаемый увлекательными речами Ахенбаха, сохранил особый интерес к хозяйственной стороне внутреннего развития страны, в то время как чисто юридическая сторона управления меня мало привлекала. Работы по мелиорации, по сооружению каналов и постройке шоссейных дорог, лесное хозяйство, развитие всякого рода путей сообщения, улучшение жилищ, введение в сельское хозяйство машин и развитие сельской кооперации – вот те вопросы, которые и позднее долго занимали меня. Особенно интересовали меня вопросы развития судостроения и расширения железнодорожной сети, главным образом на сильно отставшем в этом отношении востоке.

При моем вступлении на престол я обсуждал все эти вопросы с министрами. Желая их заинтересовать, я обещал каждому в его ведомстве полную свободу действий. Но оказалось, что это было почти невозможно, пока князь Бисмарк стоял у власти, так как князь во всех делах сохранял за собой решающее слово и этим парализовал самостоятельность своих сотрудников.

Скоро мне стало ясно, что министры, находившиеся всецело в руках Бисмарка, не могли присоединиться к тем новшествам и идеям молодого государя, которые Бисмарк не признавал. Министры фактически были только орудием в руках Бисмарка и действовали исключительно по его приказаниям. Такое положение само по себе было естественно, ибо столь выдающийся министр-президент, добившийся таких больших политических успехов для Пруссии и Германии, поистине подавлял своих министров и властно руководил ими. Я же вследствие этого находился в затруднительном положении, так как на все мои предложения получал со стороны министров характерные ответы: «Этого князь Бисмарк не хочет; от Бисмарка этого не добьешься; кайзер Вильгельм I не согласился бы с этим; это противоречит традиции» и т.п.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.